

УДК 929:35(470.531)''192/193''(045)

*Н.В. Кирсова***СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ — КОМИ АССР В 1920–1930-е ГОДЫ**

На основе анализа архивных документов изучены сведения о руководителях высших региональных партийно-государственных органов в 1920–1930-е гг. Для составления социального портрета использовались анкеты и регистрационные списки делегатов Коми областных партконференций, в работе которых представители политической элиты принимали непосредственное участие. Источники содержат персональные данные о возрасте, национальности, партийном стаже, социальном положении, образовании секретарей Коми областного комитета РКП(б) — ВКП(б) и председателей облисполкома и являются вполне доступными для проведения исследования. Выявлены некоторые общие и отличительные особенности в социальных портретах руководящего состава. Более половины секретарей обкома были русскими и имели начальное образование, в то время как председатели облисполкома являлись представителями коренной национальности, большая часть из которых имела среднее образование. Несмотря на то, что в составе областной парторганизации преобладали местные крестьяне, руководители партийных и государственных органов по социальному положению в основном относились к рабочим и служащим, как и предписывалось партийными директивами. При назначении на высшую должность учитывался партийный стаж, который у управленцев региона составлял более 10 лет и соответствовал предъявляемым требованиям. Абсолютное большинство вступало в РКП(б) — ВКП(б) в период 1917–1920 гг. в возрасте около 24–25 лет, но начинали возглавлять областные партийно-государственные органы в среднем возрасте, имея к этому времени не только необходимый партийный стаж, но и определённый жизненный и профессиональный опыт.

Ключевые слова: история Республики Коми, партийно-государственные органы, управленческие кадры, руководящий состав, социальный портрет, социальные характеристики.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-628-637

В основе строительства советского государства в 1920–1930-е гг. находилось формирование системы управленческих кадров. Главная роль в этом процессе отводилась РКП(б) — ВКП(б). Одним из важнейших мероприятий являлось выдвиженчество, которое позволяло создавать партийно-государственные аппараты, подбирать руководителей и ответственных работников, наращивать необходимый кадровый потенциал. Тема реализации кадровой политики в этот исторический период по-прежнему является актуальной. И если кадры центральных органов изучаются довольно активно, то региональные управленцы, за некоторым исключением, остаются вне историографического поля, в то время как национальные архивы с их богатейшими фондами содержат огромный потенциал для постановки исследовательских задач, играют важную роль связующего звена между прошлым и будущим во всей системе государственного управления.

Одним из важнейших историографических направлений для Республики Коми является анализ проблем формирования и состава управленческих кадров, выдвижения на руководящие должности национальных кадров в первые десятилетия становления её государственности. Особый интерес представляет изучение политической элиты, к числу которой относился высший партийно-государственный руководящий состав. Профессиональная деятельность секретарей областного комитета РКП(б) — ВКП(б) и председателей областного исполнительного комитета, непосредственно связанная с принятием стратегических для Коми региона решений, становится особенно актуальной в преддверии 100-летия образования Республики Коми, а опыт руководящей работы, социально-профессиональные характеристики, жизненный путь и судьба этих людей вызывают и общественный интерес.

Кроме того, изучение корпуса управленческих кадров позволяет ввести в научный оборот новые, ранее не использовавшиеся архивные документы и материалы, в том числе вполне доступные для анализа эволюции кадрового состава, карьерных перемещений представителей политической элиты Коми автономной области — Коми АССР. К числу таких источников можно отнести анкеты и списки делегатов Коми областных партийных конференций, содержащие уникальную историческую информацию. Изучение региональных управленческих кадров способствует не только выявлению общих закономерностей или отличительных особенностей в их составе и структуре, но и пониманию организации всей

системы государственного управления на Европейском Севере России в 1920–1930-е гг. [9; 19; 23]. Также появляется возможность дополнить исследования, направленные на изучение процессов формирования партийно-государственного аппарата в этот исторический период [1-3; 14-16]. Следует отметить, что отечественная историография создания социального облика управленца 1920–1930-х гг. представлена небольшим количеством опубликованных работ, однако в последние годы определённый вклад в разработку проблематики внесли региональные исследователи, что подтверждает её актуальность и научный интерес. Например, А. А. Колдушко [6] сформировала социальные портреты представителей партийной номенклатуры Пермской и Свердловской областей, А. С. Коробец [8] проанализировал социальные характеристики глав и некоторых ответственных работников государственного аппарата Вятской губернии, на основе просопографического метода созданием коллективного портрета руководителя Иркутского губернского комитета РКП(б) — ВКП(б) занималась Л. Н. Метелкина [10], социально-психологический облик представителей партийно-советского аппарата Калужской, Смоленской и Тульской губерний стал предметом научных изысканий И. М. Фёдоровой [20], социально-профессиональный портрет партийных и советских руководителей Северной Осетии воссоздал А. Т. Цариков [21; 22]. Таким образом, целью статьи является анализ социально-демографических и социально-профессиональных сведений о руководителях высших партийно-государственных органов управления Коми автономной области — Коми АССР в 1920–1930-е гг. для формирования их социального портрета на основе статистического метода обработки информации.

В советском государстве одним из признаков элитарности было членство в РКП(б) — ВКП(б), которое являлось «доминирующим каналом индивидуальной вертикальной мобильности» [4, с. 34]. Безусловно, секретари Коми обкома партии и председатели облисполкома были членами коммунистической партии большевиков. Место, которое они занимали в структуре политической власти, определяло и их социальный статус, к важнейшим признакам которого относят социальные (напр., профессия, образование) и демографические характеристики (пол, возраст) [18, с. 247]. Для более глубокого понимания социальной роли представителей высшего руководства и степени возложенной на них ответственности за стратегию регионального развития были изучены их персональные данные на основе вышеупомянутых источников. Прежде всего, анализировались статистические сведения и производились подсчёты по таким признакам, как национальность, возраст, партийный стаж, социальное положение и образовательный уровень как наиболее полно представленные в архивных документах.

К началу 1920-х гг. в РСФСР были сформированы национально-территориальные автономии. В её состав 22 августа 1921 г. вошла и Коми автономная область, образованная по инициативе первого Всезырянского съезда РКП(б) (январь 1921 г.). На протяжении первого десятилетия становления её государственности областное руководство активно отстаивало интересы региона перед центральной властью, обосновывая необходимость изменения правового статуса на автономную республику. В качестве главного аргумента приводились перспективы стать крупной сырьевой и промышленной базой для страны. Однако форма автономии изменилась лишь в 1936 г. с принятием Конституции СССР, а государственное устройство автономной социалистической республики было закреплено соответствующими нормами Конституции Коми АССР (июнь 1937 г.). Процессы автономизации напрямую увязывались не только с административно-территориальным районированием самой Коми АО — Коми АССР, но и с организацией партийного и государственного аппаратов.

В исследуемый период Коми областной комитет РКП(б) — ВКП(б) возглавляли 10 секретарей (первых секретарей): Я. Ф. Потапов (январь 1921 г. — январь 1922 г.), М. П. Минин (январь — август 1922 г.), А. М. Чирков (сентябрь 1922 г. — июль 1924 г.), Д. И. Селиванов (август 1924 г. — июнь 1927 г.), Г. А. Козлов (июнь 1927 г. — март 1929 г.), Н. А. Люстров (март 1929 г. — март 1930 г.), Н. С. Колегов (март 1930 г. — август 1932 г.), А. А. Семичев (декабрь 1932 г. — ноябрь 1937 г.), П. И. Мурашев (ноябрь 1937 г. — июнь 1938 г.), И. Д. Рязанов (июль 1938 г. — март 1940 г.). Кроме П. И. Мурашева, арестованного накануне работы XV Коми областной партийной конференции (июнь 1938 г.), все секретари были участниками партийных форумов, что позволяет сформировать их социальный портрет на основе данных, зафиксированных в анкетах и регистрационных списках делегатов.

Принцип ротации партийных кадров, активно использовавшийся центральной властью, позволял направлять на руководящие должности коммунистов и из других регионов. В этом отношении Коми автономия не стала исключением — более половины партийных руководителей не являлись уроженцами Коми автономной области, и все они были русской национальности. Но высшую партийную должность также занимали и местные управленцы коренной национальности (Н. С. Колегов,

М. П. Минин, Я. Ф. Потапов, Д. И. Селиванов). Однако следует отметить, что если в 1920-е гг. большинство (66,7 %) являлись жителями Коми области, то с конца 1932 г. эту должность занимали только члены партии, прибывшие из других регионов страны.

Одним из важнейших социально-демографических признаков является возраст. Проанализировав годы рождения секретарей обкома, можно констатировать, что Коми областную партийную организацию возглавляли люди среднего возраста, имевшие за плечами некоторый жизненный и профессиональный опыт, а также партийный стаж более 10 лет. На момент вступления в должность им было в среднем около 36 лет (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение секретарей Коми областного комитета РКП(б) — ВКП(б)
по возрастным группам**

Возрастная группа, лет	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46 и старше
Количество, чел.	1	0	4	3	1	1

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

Самым молодым секретарём Коми обкома, в 25 лет, стал местный коммунист М. П. Минин, который начал карьеру в 1921 г. в Северо-Двинском губкоме, где уже в 24-летнем возрасте занимал должность заведующего агитпропотделом, а самым старшим из всех, в 47 лет, прибывший из Архангельской области П. И. Мурашев.

Важнейшую роль в продвижении кадров по партийной вертикали играл стаж пребывания в коммунистических рядах. Нормативно это было закреплено Уставами РКП(б) — ВКП(б). Для секретарей парторганизаций регионального уровня в разные годы минимальный стаж устанавливался от 5 до 10 лет. Анализ архивных документов показал, что данное требование в отношении секретарей обкома строго выдерживалось. Абсолютное же большинство представителей партийной элиты Коми автономии становились коммунистами в годы революционных событий, первой мировой и гражданской войн (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение секретарей Коми областного комитета по времени вступления
в РКП(б) — ВКП(б)**

Время вступления, год	до 1917	1917	1918–1920	1921–1926
Количество, чел.	2	3	3	2

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

При этом средний возраст вступления в коммунистические ряды составлял около 25,5 лет, то есть это были довольно молодые люди (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение секретарей Коми областного комитета по возрасту вступления
в РКП(б) — ВКП(б)**

Возрастная группа, лет	до 20	21–25	26–30	31–35
Количество, чел.	1	4	3	2

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

Так, в уже 16-летнем возрасте членом РСДРП стал А. М. Чирков, участник революции 1905–1907 гг. и гражданской войны. Однако обком партии он возглавил в 35 лет, накопив к этому времени солидный опыт партийной работы, самый большой среди всех секретарей обкома, возглавлявших его в 1920–1930-е гг. Позже других, в 35 лет, вступил в ВКП(б) П. И. Мурашев.

Анкеты и регистрационные списки позволяют проанализировать руководящий состав по признаку «социальное положение», то есть по социальному статусу, который определялся, прежде всего, занимаемой должностью и для которого характерна определённая социальная мобильность. Так, среди секретарей обкома, кого можно отнести к высшей партийно-политической элите региона, большая часть принадлежала к рабочему классу (40 %), служащих и крестьян было равное количество (по 30 %). Партия большевиков всячески стремилась улучшить свой социальный состав за счёт рабочих, но для таких регионов, как Коми, это являлось сверхзадачей — подавляющее число жителей были выходцами из крестьянской среды. В середине 1920-х гг. руководством области ставилась задача доведения числа рабочих хотя бы до 10 % [11, ф. п-1, оп. 1, д. 42, л. 55]. Лишь в начале 1930-х гг. в региональной партийной статистике был зафиксирован самый высокий процент рабочих — 33,6 %, но и то его удалось добиться за счёт увеличения постоянно работавших в лесозаготовительной отрасли [7, с. 29]. Но статус партийного руководителя требовал соответствующего социального положения и его следовало подтверждать. В ходе исследования были выявлены документы, в которых оно подвергалось изменениям у одного и того же человека. Например, в анкете секретаря обкома Г. А. Козлова, делегата VIII Коми областной партийной конференции (октябрь 1927 г.), в графе «социальное положение» написано — *служащий*, а на IX конференции (март 1929 г.) — *рабочий*. В соответствии с программными установками РКП(б) — ВКП(б) позиционировала себя как партия рабочих, поэтому подобные изменения кажутся вполне закономерными.

Образовательный уровень руководителей Коми обкома был невысоким, в основном все имели начальное (низшее) образование. Более того, анализ архивных документов показал, что за исследуемый период ни один из секретарей не смог его повысить. Отчасти сложившуюся ситуацию можно объяснить отсутствием на Европейском Севере России достаточного количества учреждений высшего и среднего образования. Например, на территории Коми лишь в 1932 г. открылся первый вуз — государственный педагогический институт. В то же время А. А. Семичев и И. Д. Рязанов, возглавлявшие парторганизацию во второй половине 1930-х гг., имели высшее образование, были русской национальности и призвали их на работу в Коми из других регионов.

К корпусу высшего управленческого звена можно причислить и тех, кто относился к советской (административной) элите. В первую очередь это были председатели Коми областного исполнительного комитета. В 1920–1930-е гг. высший орган государственного управления на территории Коми автономии возглавляли 9 человек: Д. И. Селиванов (июль 1921 г. — сентябрь 1922 г.), В. И. Сорвачев (декабрь 1922 г. — июнь 1924 г.), Е. М. Мишарин (июнь 1924 г. — май 1928 г.), В. П. Юркин (май 1928 г. — март 1929 г.), И. Г. Коюшев (март 1929 г. — март 1930 г.; июль 1933 г. — апрель 1935 г.), Ф. Г. Тараканов (март 1930 г. — июль 1933 г.), А. П. Липин (июнь 1935 г. — сентябрь 1937 г.), И. А. Кызьюров (сентябрь 1937 г. — июнь 1938 г.), Г. В. Ветошкин (июнь 1938 г. — июль 1945 г.). Все они участвовали в работе областных партийных конференций, что позволяет проанализировать их персональные данные, зафиксированные в регистрационных документах, по тем же параметрам, что и руководителей обкома РКП(б) — ВКП(б).

В отличие от секретарей обкома партии, это были представители коренной национальности, что в условиях Коми автономии напрямую увязывалось с реализацией одного из принципов национальной политики большевиков — коренизации кадров. В целом процесс был направлен на формирование местного управленческого аппарата, а также подготовку национальных кадров для всех уровней государственного управления. Предполагалось, что выдвижение представителей этноса в партийно-государственный аппарат приблизит советскую власть к местному населению. Поскольку Коми область была моноэтничной, это позволяло без особых осложнений выполнять условия партийных директив об уровне вовлечения националов в управленческую деятельность. Наряду с другими национальными автономиями, например, Татарской, Чувашской, Марийской, Мордовской, область относилась к таким, в которых число коренных работников в органах управления было не меньше, чем число жителей коренной национальности [17, с. 15]. Так, в составе областной парторганизации в 1921 г. 88,4 % коммунистов были коми, в 1937 г. — 76,7 % [4, с. 42]. К середине 1930-х гг. низовой советский аппарат почти полностью был укомплектован «коми трудящимися», а областной насчитывал до 80 % от общего состава [12, ф. р-3, оп. 1, д. 885, л. 6].

Средний возраст председателей облисполкома при вступлении в должность составлял около 34,5 лет. Несмотря на то, что это почти на полтора года меньше, чем у их коллег — секретарей обкома, к началу своей деятельности руководители высшего органа власти также обладали солидным опытом партийной работы (табл. 4).

Таблица 4

Распределение председателей Коми областного исполкома по возрастным группам

Возрастная группа, лет	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46 и старше
Количество, чел.	0	2	3	3	1	0

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

Самым молодым председателем облисполкома был И. Г. Коюшев, который дважды становился во главе высшего органа государственного управления: в 1929 г. в возрасте 29 лет и в 1933 г., когда ему было 32 года, а самым возрастным руководителем — В. П. Юркин, в 43 года.

Так же как и представители партийной элиты, к началу своей деятельности все председатели Коми облисполкома имели более чем 10-летний партийный стаж, и большинство из них (77,8 %) вступили в ряды РКП(б) в период с 1917 по 1920 г. (табл. 5).

Таблица 5

Распределение председателей Коми областного исполкома по времени вступления в РКП(б)–ВКП(б)

Время вступления, год	до 1917	1917	1918–1920	1921–1926
Количество, чел.	0	2	5	2

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

При этом средний возраст вступления в РКП(б) — ВКП(б) составлял чуть более 24 лет, а почти половина из председателей стали коммунистами в ещё более молодом возрасте (табл. 6).

Таблица 6

Распределение председателей Коми областного исполкома по возрасту вступления в РКП(б) — ВКП(б)

Возрастная группа, лет	до 20	21–25	26–30	31–35
Количество, чел.	4	1	2	2

Подсчитано по: 11, ф. п-1, оп. 1, д. 1, л. 22–24; д. 11, л. 9; д. 16, л. 7; д. 30, л. 23–25, 35об–36; д. 44, л. 6–10; д. 45, л. 9; д. 59, л. 23–23об; д. 78, л. 6–122; д. 109, л. 122–125; д. 116, л. 53–58; д. 130, л. 41–43; д. 149, л. 144–145; д. 209, л. 106–127, 143–145; д. 295, л. 97–98; д. 314, л. 149–151; д. 333, л. 100–101.

Так, уже в 17 лет, членами коммунистической партии большевиков были И. Г. Коюшев и А. П. Липин, а позже всех, в 33 года, — В. И. Сорвачев. При этом нами подсчитано, что в 1920-е гг. при вступлении в партию средний возраст председателей облисполкома составлял около 28 лет. В то же время в 1930-е гг. коммунистами становились в гораздо более молодом возрасте — до 20 лет, и ко времени начала руководства облисполкомом партийный стаж председателей составлял от 12 до 17 лет. Таким образом, анализ их персональных данных наглядно показывает, что при назначении на должность большее значение имел опыт партийной работы, нежели возраст или образовательный уровень его претендента.

Социальный статус некоторых председателей Коми облисполкома также подвергался изменениям, как и у секретарей обкома. Несмотря на то что большинство были выходцами из местной крестьянской среды, из зафиксированных анкетных данных делегатов партийных форумов следует, что

более половины руководителей относились к категории служащих, как того и требовала занимаемая должность. Например, изменения были выявлены в документах Е. М. Мишарина. Если в анкете делегата VI Коми областной партийной конференции (октябрь 1924 г.) в графе «социальное положение» указывалось *крестьянин*, то уже на двух последующих конференциях, проходивших в январе 1926 г. и в октябре 1927 г., — *служащий*. Подобные изменения обнаружены и в регистрационных документах И. Г. Коюшева — участника X (август 1929 г.) и XIII (январь 1934 г.) облпартконференций.

Следует отметить, что, в отличие от секретарей обкома, руководители облисполкома обладали более высоким образовательным уровнем. Среднее образование имели четверо председателей, а двое, возглавлявших его во второй половине 1930-х гг., — высшее. Собственно сфера управления и прежде всего ответственность за экономическое развитие региона требовали назначения на руководящую должность не просто грамотных людей, а обладающих некоторыми профессиональными знаниями.

В среде высшего партийно-государственного руководства частым явлением были кадровые перемещения, которые также использовались в управленческой сфере Коми региона. Некоторые руководители, такие как И. Г. Коюшев, Я. Ф. Потапов, Д. И. Селиванов, В. П. Юркин, в 1920–1930-е гг. возглавляли различные органы управления. Например, И. Г. Коюшев, В. П. Юркин до вступления в должность председателя облисполкома заведовали орготделом обкома РКП(б) — ВКП(б), а секретарь обкома Я. Ф. Потапов после окончания срока пребывания на высшей партийной должности, наоборот, начал заведовать орготделом. Для карьерной траектории Д. И. Селиванова стало возможным сочетание партийной и советской работы. Так, в начале 1920-х гг. он был председателем облисполкома, а в середине десятилетия возглавил обком партии. Профессиональные изменения проходили на фоне постоянной перестройки партийно-государственных структур, что негативно отражалось на формировании региональной политической элиты. Реформы административно-территориального устройства страны, особенно на рубеже 1920–1930-х гг., перманентные чистки и проверки, внедрение номенклатурного принципа в практику реализации кадровой политики влекли за собой изменения во всей системе управления, в том числе, позволяли заменять руководителей партийно-государственных органов и осуществлять перестановку кадров, более похожую на «кадровую революцию» [2]. Исследование показало, что на практике ротация кадров в Коми автономии наиболее ярко проявилась в партийной сфере, а также среди управленцев коренной национальности.

Как уже отмечалось ранее, подавляющая часть руководителей партийно-государственных органов влилась в коммунистические ряды с 1917 по 1920 г., стояла у истоков формирования Коми государственности, активно отстаивая интересы региона перед центром. Но уже в 1930-е гг. по политической элите Коми автономии был нанесён мощнейший удар — половина секретарей обкома и почти 80 % руководящего состава облисполкома были репрессированы или исключены из партии.

В целом же анализ архивных материалов, содержащих персональные данные, свидетельствует, что не всегда сведения об одном и том же человеке совпадали, а в ряде документов нами обнаружены явные исправления, вероятно, сделанные в целях улучшения «качественных» показателей. Как показало исследование, чаще других изменялось социальное положение. Определение классово-принадлежности, регулирование социального состава и партии, и всего управленческого потенциала, были одними из важнейших кадровых проблем. Социально-экономические и политические процессы так или иначе отражались не только на социальной структуре общества, но и на составе РКП(б) — ВКП(б). На протяжении 1920–1930-х гг. регулирование партийных рядов осуществлялось за счёт их «орабочивания», преобразования крестьянства из одной категории в другую, трансформации категории служащих. Всё это было одним из инструментов формирования системы управленческих кадров. Нормативно процесс обеспечивался уставами РКП(б) — ВКП(б), резолюциями и постановлениями партийных органов, различными директивами и инструкциями [13]. Определение социального положения членов партии требовало разъяснений и указаний, поскольку в этом вопросе не было единого понимания, что, на наш взгляд, вполне могло стать причиной манипулирования статистическими данными. Однако изменения социального статуса были обусловлены не только социальной мобильностью руководителей партийно-государственных структур, но и иными причинами. Как показало исследование, в документах VIII Коми областной партийной конференции (октябрь 1927 г.) их обнаружено больше всего. В некоторых анкетах, возможно, членами мандатной комиссии, сделаны исправления поверх ранее обозначенных записей. Причиной, которая могла послужить подобной трансформации персональных данных, вероятно, стала не чья-либо корыстная заинтересованность, а то обстоятельство, что это была первая конференция, которая начала свою работу после получения официальной инструкции об определении социального положения членов ВКП(б) [5].

Таким образом, регулирование социальной структуры общества являлось одной из важнейших функций советского государства, а динамика процесса зависела от потребности использовать потенциал различных социальных групп в его интересах. Однако социальный статус руководителей требовал наличия соответствующих профессиональных и личностных характеристик, часть которых (партийный стаж, социальное положение) устанавливалась официально. Политика выдвиженчества способствовала формированию региональных и местных партийно-государственных аппаратов, в том числе за счёт продвижения по карьерной лестнице коренных кадров. Но на высшие партийные должности в Коми регионе в основном назначались русские коммунисты, в отличие от их коллег — руководителей облисполкома. Вступление в ряды РКП(б) — ВКП(б) в достаточно раннем возрасте позволяло политической элите выдерживать уставные требования к партийному стажу. Вместе с тем, при кадровых назначениях возраст и образовательный уровень не являлись решающими факторами.

Проведённый анализ архивных документов позволяет не только сформировать обобщённый социальный портрет тех, кто стоял у истоков становления коми государственности, но и обозначить перспективы некоторых дальнейших исследований. Например, несмотря на активное вовлечение коми женщин в систему национально-государственного строительства, они никогда не находились в высших эшелонах власти. В связи с этим, новыми историографическими задачами могли бы стать изучение форм социализации женщин и их выдвижение на руководящие и ответственные должности в партийно-государственном аппарате. Отдельного исследования заслуживает тема создания социокультурного облика лидеров женского движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинос Ю. А.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. Вологда: Книжное наследие, 2009. 325 с.
2. *Воробей А. П.* «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930-е гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 67–73.
3. *Воробей А. П.* Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы // Вестник САФУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 5–11.
4. *Головин С. А.* Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.
5. Инструкция по определению социального положения членов ВКП(б) и кандидатов в члены от 15.12.1926 // Об определении социального состава организаций в партстатистике: сб. документов. М., 1927. С. 4–15.
6. *Колдушко А. А.* Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей) // Вестн. Пермского науч.-исслед. политех. ун-та. Культура. Философия. Право. 2010. № 3. С. 105–111.
7. Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976: стат. сб. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1977. 95 с.
8. *Коробец А. С.* Социокультурный облик руководящих кадров Вятской губернии в конце 1917–1920 гг. // Вестн. Вятского гос. гуман. ун-та: История и юридические науки. 2011. № 2. С. 81–84.
9. *Кузванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф.* В начале пути. (Очерки истории становления и развития Коми автономии) / отв. ред. А. К. Конохов. Сыктывкар, 1996. 200 с.
10. *Метёлкина Л. Н.* Руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) — ВКП(б): опыт создания коллективного портрета // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 79–85; Т. 13. С. 76–82.
11. Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф. П–1. Коми республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР.
12. Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф. Р–3. Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области.
13. Об определении социального состава организаций в партстатистике: циркуляр ЦК ВКП(б) от 12.08.1925 // Об определении социального состава организаций в партстатистике: сб. документов. М., 1927. С. 3–4.
14. *Перебинос Ю. А.* Гендерные аспекты карьеры в региональном партийно-советском аппарате в 1930-е годы (на материалах Европейского Севера России) // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всерос. науч. конф. (г. Вологда, 19–21 окт. 2017 г.) / гл. ред. М. А. Безник. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2018. С. 200–205.
15. *Перебинос Ю. А.* Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 3 апр. 2014 г.). Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2014. С. 103–105.

16. *Перебинос Ю. А.* Структура и штаты аппаратов исполнительных комитетов в период форсированной социалистической модернизации (на материалах Европейского Севера России) // История государства и права. 2015. № 22. С. 22–26.
17. *Родневич Б.* Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 12–21.
18. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 2000. 488 с.
19. *Таскаев М. В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 — первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 610 с.
20. *Фёдорова И. М.* Социально-психологический облик местной советско-партийной бюрократии первой половины 1920-х годов (на материалах Калужской, Смоленской и Тульской губерний) // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 216–225.
21. *Цариков А. Т.* Социально-профессиональный портрет партийных руководителей Северной Осетии в 1924–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. Ч. 2. С. 201–203.
22. *Цариков А. Т.* Социально-профессиональный облик руководителей Владикавказа (Орджоникидзе) в 1924–1933 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. 2. С. 189–191.
23. *Шубин С. И.* Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000. 460 с.

Поступила в редакцию 25.12.2019

Киросова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социально-политических наук
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55
E-mail: knata2409@yandex.ru

N.V. Kirosova

SOCIAL PORTRAIT OF THE HEADS OF PARTY AND STATE GOVERNING BODIES OF KOMI AUTONOMIC REGION – KOMI ASSR IN 1920–1930S

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-628-637

Based on the archival documents analysis, information about the heads of the highest region party-state bodies in the 1920–1930s was researched. To compile a social portrait, questionnaires and registration lists of delegates of Komi regional party conferences, in which political elite was involved, were used. These sources contain personal data on age, nationality, party experience, social status and education of Komi Regional Committee secretaries of the RCP(b)–AUCP(b) and of regional executive committee chairmen, which are accessible for the study. Some common and distinctive features in the senior management social portraits were revealed. Chairmen of the regional executive committee were indigenous nationality representatives, who mostly had a secondary education, but more than half of the regional committee secretaries didn't have it and were Russian. Despite the fact that the regional party organization was dominated by local peasants, the party and state bodies' leaders by their social status mainly related to workers and employees, as prescribed by the party directives. Party experience was considered when appointing to a senior position, which was more than ten years for region managers, and complied with the requirements. The absolute majority became communists in the period 1917–1920 at the age of about 24–25 years old, but began to head regional party-state bodies in middle age, having by this time party, life, professional experience.

Keywords: history of Komi Republic, party-state organs, management staff, senior management, social portrait, social characteristics.

REFERENCES

1. *Bondarenko S. Ya., Malahov R. A., Perebinos Yu. A.* Provintsial'noe chinovnichestvo na Evropejskom Severe Rossii v 1918 — nachale 1950-h godov [Provincial bureaucracy in the European North of Russia in 1918 — the beginning of the 1950s]. Vologda, "Book legacy" Publ., 2009, 325 p. (In Russian).
2. *Vorobej A. P.* "Kadrovaya revolyutsiya" na Evropejskom Severe Rossii (1929–1930-e gg.) ["Personnel revolution" in the European North of Russia (1929–1930s)]. Otechestvennaya istoriya [National History], 2004, no. 6, pp. 67–73. (In Russian).

3. *Vorobej A. P.* Osnovnye tendentsii formirovaniya sistemy nomenklaturnyh kadrov v 1920-e gody [The main trends in the formation of the system of nomenclature personnel in the 1920s]. *Vestnik SAFU. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik NArFU. Series: humanities and social sciences], 2012, no. 2, pp. 5–11. (In Russian).
4. *Golovin S. A.* Chlenstvo v RKP(b) — VKP(b) kak osnovnoj put' povysheniya sotsial'nogo statusa (1920–1930-e gg.) [Membership in the RCP(b) — AUCP(b) as the main way to increase social status (1920–1930s)]. *Voprosy istorii* [Question of History], 2008, no. 3, pp. 33–43. (In Russian).
5. *Instrukciya po opredeleniyu social'nogo polozheniya chlenov VKP(b) i kandidatov v chleny ot 15.12.1926* [Instructions for determining the social status of members of the AUCP(b) and candidate members on 15.12.1926]. *Ob opredelenii social'nogo sostava organizacij v partstatistike: sb. dokumentov* [The determining the social composition of organizations in party statistics: Sat documents]. Moscow, 1927, pp. 4–15. (In Russian).
6. *Koldushko A. A.* Obrazovanie kak element social'nogo portreta partijnoj nomenklatury v 1920–1930-e gody (na primere Sverdlovskoj i Permskoj oblastej) [Education as an element of the social portrait of party nomenclature in the 1920–1930s (as exemplified by the Sverdlovsk and Perm regions)]. *Vestnik Permskogo nauchno-issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of the Perm Research Polytechnic University. The culture. Philosophy. Right], 2010, no. 3, pp. 105–111. (In Russian).
7. *Komi oblastnaya organizaciya KPSS v cifrah. 1921–1976: stat. sb.* [Komi regional organization of the CPSU in numbers. 1921–1976: stat. collection]. Syktyvkar, “Komi books” Publ., 1977, 95 p. (In Russian).
8. *Korobec A. S.* Sociokul'turnyj oblik rukovodyashchih kadrov Vyatskoj gubernii v konce 1917–1920 gg. [The sociocultural appearance of the leading cadres of the Vyatka province at the end of 1917–1920]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: Istorija i yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University: History and Jurisprudence], 2011, no. 2, pp. 81–84. (In Russian).
9. *Kuzivanova O. Yu., Popov A. A., Smetanin A. F.* V nachale puti. (Ocherki istorii stanovleniya i razvitiya Komi avtonomii) [At the beginning of the journey. (Essays on the history of the formation and development of the Komi autonomy)]. Syktyvkar, 1996, 200 p. (In Russian).
10. *Metelkina L. N.* Rukovoditeli Irkutskogo gubernskogo (okruzhnogo) komiteta RKP(b) — VKP(b): opyt sozdaniya kollektivnogo portreta [The leaders of the Irkutsk provincial (district) committee of the RCP(b) — AUCP(b): the experience of creating a collective portrait]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies], 2015, no. 12, pp. 79–85; no. 13, pp. 76–82. (In Russian).
11. *Natsional'nyj arhiv Respubliki Komi (NARK). F. P–1.* Komi respublikanskij komitet Kommunisticheskoy partii RSFSR [National archives of the Republic of Komi. F. P–1. Komi Republican Committee of the Communist party of the RSFSR]. (in Russian, unpublished).
12. *Natsional'nyj arhiv Respubliki Komi (NARK). F. R–1.* Ispolnitel'nyj komitet Sovetov rabochih, krest'yanskih i krasnoarmejskih deputatov Komi avtonomnoj oblasti [National archives of the Republic of Komi. F. R–1. Executive Committee of the Soviets of workers', peasants' and red army deputies of the Komi Autonomous region]. (in Russian, unpublished).
13. *Ob opredelenii social'nogo sostava organizacij v partstatistike: cirkulyar CK VKP(b) ot 12.08.1925* [On the determination of the social composition of organizations in party statistics: circular of the Central Committee of the AUCP(b) on 12.08.1925]. *Ob opredelenii social'nogo sostava organizacij v partstatistike: sb. dokumentov* [The determining the social composition of organizations in party statistics: Sat documents]. Moscow, 1927, pp. 3–4. (In Russian).
14. *Perebinos Yu. A.* Gendernye aspekty kar'ery v regional'nom partijno-sovetskom apparate v 1930-e gody (na materialah Evropejskogo Severa Rossii) [Gender aspects of a career in the regional party-Soviet apparatus in the 1930s (on the materials of the European North of Russia)]. *Istoriki. Pokoleniya. Vzglyady: materialy Vseros. nauch. konf.* [Historians. Generations. Views: materials of the All-Russian scientific. conf. (Vologda, October 19–21, 2017)]. Vologda, Vologda State University Press, 2018, pp. 200–205. (In Russian).
15. *Perebinos Yu. A.* Regional'nyj partijno-sovetskij apparat v usloviyah forsirovannoj socialisticheskoy modernizacii 1930-h gg. (na materialah evropejskogo Severa Rossii) [Regional Party-Soviet apparatus in the conditions of forced socialist modernization of the 1930s (on the materials of the European North of Russia)]. *Upravlenie i ekonomika v usloviyah ekonomicheskoy nestabil'nosti: problemy i perspektivy: materialy nauch.-praktich. konf.* [Management and economy in the conditions of economic instability: problems and prospects: materials of scientific-practical. conf.]. Vologda, Vologda Branch of the RANEPА Publ., 2014, pp. 103–105. (In Russian).
16. *Perebinos Yu. A.* Struktura i shtaty apparatov ispolnitel'nyh komitetov v period forsirovannoj sotsialisticheskoy modernizatsii (na materialah Evropejskogo Severa Rossii) [The structure and staff of the apparatus of executive committees during the period of forced socialist modernization (based on the materials of the European North of Russia)]. *Istorija gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 22, pp. 22–26. (In Russian).
17. *Rodnevich B.* Korenizaciya apparata v avtonomiyah i rajonah nacmen'shinstv RSFSR [Korenizatsiya apparatus in the autonomies and areas of national minorities of the RSFSR]. *Revoluciya i nacional'nosti* [Revolution and nationality], 1931, no. 12, pp. 12–21. (In Russian).

18. Sotsiologicheskij entsiklopedicheskij slovar' na russkom, anglijskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykah / G. V. Osipov (ed.-coordin.) [Sociological encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech]. Moscow, "Norma" Publ., 2000, 488 p. (In Russian).
19. *Taskaev M. V.* Sotsial'no-politicheskie protsessy na Evropejskom Severo-Vostoke Rossii (1901 — pervaya polovina 1930-h gg.) [Socio-political processes in the European North-East of Russia (1901 — the first half of the 1930s)]. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, 610 p. (In Russian).
20. *Fedorova I. M.* Social'no-psihologicheskij oblik mestnoj sovetско-partijnoj byurokratii pervoj poloviny 1920-h godov (na materialah Kaluzhskoj, Smolenskoj i Tul'skoj gubernij) [The socio-psychological appearance of the local Soviet-party bureaucracy in the first half of the 1920s (based on materials from the Kaluga, Smolensk and Tula provinces)]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting], 2008, no. 1, pp. 216–225. (In Russian).
21. *Carikoev A. T.* Social'no-professional'nyj portret partijnyh rukovoditelej Severnoj Osetii v 1924–1953 gg. [Socio-professional portrait of party leaders of North Ossetia in 1924–1953]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2016, no. 7, pt. 2, pp. 201–203. (In Russian).
22. *Carikoev A. T.* Socioprofessional'nyj oblik rukovoditelej Vladikavkaza (Ordzhonikidze) v 1924–1933 gg. [The socio-professional look of the leaders of Vladikavkaz (Ordzhonikidze) in 1924–1933]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2016, no. 11, pt. 2, pp. 189–191. (In Russian).
23. *Shubin S. I.* Severnyj kraj v istorii Rossii. Problemy regional'noj i natsional'noj politiki v 1920–1930-e gody [Northern region in the history of Russia. Problems of regional and national policy in the 1920–1930s]. Arkhangel'sk, Pomor State University Press, 2000, 460 p. (In Russian).

Received 25.12.2019

Kirosova N. V., Candidate of History, Associate Professor
at Department of Philosophy and Socio-Political Sciences
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
Otyabr'skiy prospekt, 55, Syktyvkar, Russia, 167001
E-mail knata2409@yandex.ru